

Мирон Брейтман

ПЕСЧИНКА В МЕХАНИЗМЕ

Мирон Брейтман

Песчинка в механизме

«Автор»

2025

Брейтман М.

Песчинка в механизме / М. Брейтман — «Автор», 2025

Суровый северный воин Ивар Кринсон владеет необычным топором — внутри древка скрыт древний механизм, который реагирует на временные аномалии. Маг-историк Лисея Вард изучает загадочный знак, появляющийся в критические моменты истории. Их пути пересекаются, когда они обнаруживают, что этот символ связан с сетью временных переходов, способной изменять ход истории. Оказавшись в прошлом, герои попадают в эпоху, которую не помнят хроники, и сталкиваются с невозможными парадоксами: их имена уже записаны в древних книгах, день за циклируется, а следы загадочного знака ведут к тайне "механизма времени" — древнего артефакта, выбирающего "песчинку" — человека, способного нарушить предопределённость. Но за каждое вмешательство в поток времени приходится платить. Герои узнают, что существует Академия Времени, где изучают временные переходы, и Культ Неизменного Часа, считающий любые изменения ересью. Между этими силами разгорается война за право определять судьбу человечества.

© Брейтман М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Зброшенное святилище	5
Глава 2. Голос из костяного храма	8
Глава 3. Встреча у моста трёх теней	12
Глава 4. Топор, что слышит время	17
Глава 5. Год, которого не было	20
Глава 6. Библиотека без дверей	24
Глава 7. Убийство во втором витке	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мирон Брейтман

Песчинка в механизме

Глава 1. Заброшенное святилище

Ивар Кринсон остановился на пороге разрушенной кузницы, ощущая, как холодный северный ветер пробирается сквозь дыры в крыше и свистит между обломками каменных стен. Снег лежал толстым слоем на том, что когда-то было наковальней мастера, превращая металл в белый холм забвения. Три года он не видел этого места. Три года, как покинул родные земли с клеймом убийцы на лбу и проклятием на устах.

– Чертова память, – пробормотал он, сжимая рукоять боевого топора за спиной.

Оружие откликнулось на его прикосновение едва заметной вибрацией, словно живое существо, почуявшее запах дома. Ивар нахмурился. Топор вел себя странно последние недели – то тяжелел в руках без причины, то, наоборот, становился легким как перышко. А вчера ночью он проснулся от того, что металл лезвия светился тусклым голубоватым светом.

Старые суеверия. Не более того.

Ивар шагнул внутрь, сапоги хрустнули по замерзшему пеплу. Здесь когда-то работал Харгрим Железная Рука, лучший кузнец клана Кринсонов. Именно он выковал этот топор для отца Ивара, вложив в сталь что-то большее, чем мастерство – секреты, передававшиеся от кузнеца к кузнецу на протяжении столетий. Харгрим умер в ту же ночь, когда обвинили Ивара. Сердце не выдержало позора, сказали люди. Но Ивар знал правду: старик умер от страха. От страха перед тем, что его творение попало в руки изгнанника.

Воин обошел остатки кузницы, разглядывая знакомые очертания под снегом. Там, где стояли мехи – груда обугленных досок. Там, где хранились инструменты – только ржавые обломки. Огонь, пожравший это место, был не обычным. Слишком жарким, слишком голодным. Словно кто-то хотел стереть не только строение, но и память о нем.

Ивар подошел к дальней стене, той самой, где Харгрим хранил свои самые ценные заготовки. Камни здесь почернели от жара, но выстояли. И тут он увидел это.

Знак.

Выжженный прямо в камне, размером с ладонь взрослого мужчины. Линии его были четкими, словно кто-то выводил их раскаленным железом по живому мясу. Но это не было похоже ни на один символ, который Ивар знал. Не руны северян, не письмена южных королевств, не магические знаки восточных чародеев. Что-то совершенно иное. Что-то... древнее.

В центре знака переплетались три линии, образуя подобие треугольника, но не совсем. Каждая линия изгибалась, словно пытаясь убежать от двух других, но в итоге все равно смыкалась с ними. По краям знака вились странные завитки, напоминающие одновременно языки пламени и капли воды. А в самом центре, там, где сходились три линии, зияла крошечная точка. Дыра в камне. Словно кто-то высверлил ее тонким сверлом.

Ивар протянул руку к знаку, но не коснулся его. Что-то удерживало его. Инстинкт воина, годами учившегося распознавать опасность.

И тут топор зазвенел.

Не просто завибрировал, как раньше, а издал чистый, звонкий звук, словно по лезвию ударили молотом. Ивар рванул оружие с плеч, держа двумя руками. Металл пульсировал голубым светом, а в ушах воина зазвучало что-то похожее на далекую музыку. Мелодия была печальной и тревожной одновременно, словно песня о чем-то потерянном навсегда.

– Что за чертовщина? – выдохнул Ивар.

Топор потянуло к знаку на стене. Не метафорически – буквально потянуло, словно невидимая рука тащила оружие вперед. Ивар сопротивлялся, но сила была неумолимой. Лезвие топора коснулось выжженного символа.

И мир взорвался светом.

Ивар почувствовал, как его поднимает и швыряет назад. Он ударился о противоположную стену, но боли не было. Была только странная невесомость, словно он падал вверх. Звуки кузницы – скрип досок под ветром, шорох снега – стали приглушенными, далекими. А потом он услышал голос.

Голос Харгрима.

– Глупый мальчишка, – говорил мертвый кузнец, но губы его не шевелились. Голос звучал откуда-то изнутри, из самых глубин сознания Ивара. – Я же предупреждал твоего отца. Говорил ему: этот топор не для простых воинов. Он ищет того, кто сможет нести бремя.

– Харгрим? – Ивар попытался говорить, но собственный голос казался ему чужим, эхом в пустой пещере. – Ты мертв.

– Мертв для вашего времени, – ответил кузнец. – Но время – штука хитрая, мальчик. Оно течет не так, как думают люди. Не рекой от истока к устью, а паутиной. И иногда нити этой паутины пересекаются. Касаются друг друга. И тогда мертвые могут говорить с живыми, а прошлое – с будущим.

Свет вокруг Ивара начал меркнуть, и он увидел кузницу. Но не ту разрушенную развалину, в которой стоял минуту назад, а живую, работающую мастерскую. Огонь горел в горне, мехи мерно качали воздух, а у наковальни стоял Харгрим – молодой, сильный, с руками, еще не тронутыми артритом.

– Где я? – спросил Ивар.

– В воспоминании, – ответил кузнец, не поднимая глаз от работы. Он ковал что-то длинное и изогнутое. Рукоять. – В том дне, когда я делал твой топор. Двадцать лет назад.

Ивар шагнул ближе. Его собственное тело казалось призрачным, полупрозрачным. Сквозь ладони он видел пол кузницы.

– Зачем ты показываешь мне это?

– Потому что ты коснулся знака, – Харгрим окунул раскаленную заготовку в воду, и пар окутал его фигуру. – Потому что топор выбрал тебя. И потому что время сломалось.

– Что значит – сломалось?

Кузнец наконец поднял глаза. В них плясали отблески горна, но что-то еще – знание, тяжелое и страшное.

– Ты видел знак на стене. Этот символ появляется только тогда, когда что-то идет не так. Когда история сворачивает не туда. Когда в великом механизме времени заедает шестеренка.

– Какой механизм? О чем ты говоришь?

– О том, о чем знали древние кузнецы, мальчик. О том, что время – не река, а машина. Огромная, сложная машина, построенная теми, кто пришел до нас. И эта машина иногда ломается. – Харгрим поднял молот, но не для работы, а словно готовясь к бою. – А когда она ломается, нужна песчинка.

– Песчинка?

– Маленькая, незначительная деталь, которая попадает в механизм и заставляет его работать по-новому. Или ломает совсем. – Кузнец улыбнулся, но улыбка была печальной. – Твой топор, Ивар Кринсон, – это ключ. А ты – песчинка.

Видение начало расплываться. Контуры кузницы таяли, как дым на ветру. Голос Харгрима становился все тише.

– Ищи девушку с меткой на коже. Она знает письма времени. Вместе вы сможете найти остальные знаки. Но помни – каждый шаг по этому пути может стать последним. Время не прощает тех, кто пытается его изменить.

– Подожди! – закричал Ивар. – Что за девушка? Где ее искать?

Но Харгрим уже растворился в воздухе, унося с собой видение живой кузницы. Ивар почувствовал, как холодная реальность накатывает на него, словно ледяная волна. Он стоял в разрушенной мастерской, прижимая к груди топор. Оружие больше не светилось, но металл его был теплым, словно живым.

На стене знак по-прежнему чернел выжженной раной в камне. Но теперь Ивар видел в нем нечто большее, чем просто странный символ. Он видел в нем послание. Зов.

Начало пути, который изменит не только его судьбу, но и судьбу самого времени.

Ивар медленно повесил топор за спину и направился к выходу из кузницы. Ветер усилился, засыпая его следы снегом. Но на камне позади него знак горел неугасимым огнем памяти.

Где-то в мире была девушка с меткой на коже. И ему предстояло ее найти.

Время, сломанное и заедающее в своем древнем механизме, ждало своей песчинки.

Ивар не знал, что в сотнях миль к югу, в пыльной библиотеке посреди бескрайней пустыни, молодая женщина проснулась от того, что родимое пятно на ее плече вспыхнуло болью и светом. Лисея Вард прижала ладонь к метке и выглянула в окно на звездное небо.

Что-то изменилось. Что-то началось.

И древние тексты, над которыми она корпела всю неделю, внезапно заговорили с ней на языке, которого она не знала, но понимала каждое слово.

Песчинка попала в механизм.

Пора.

Глава 2. Голос из костяного храма

Лисея Вард проснулась с ощущением, что кто-то прожиг дыру в ее плече раскаленным железом. Родимое пятно, с которым она родилась, пульсировало болью и излучало слабый золотистый свет сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Она села на кровати, прижимая ладонь к метке, и выглянула в окно своей келии.

Звезды над пустыней Ахт-Сехмет горели необычно ярко, словно кто-то полировал их всю ночь. А на горизонте, там, где должен был быть только песок и скалы, мерцало что-то похожее на зарницу. Но дождей в пустыне не было уже полгода.

Лисея поднялась с постели и подошла к письменному столу, заваленному древними манускриптами и свитками. Орден Письма и Пепла дал ей эти тексты для изучения – самые загадочные, самые непонятные записи из архивов, которые накапливались столетиями. Документы, которые не мог расшифровать ни один историк.

Она зажгла масляную лампу и склонилась над свитком, с которым работала последние три дня. Пергамент был старым, почти рассыпающимся, а чернила выцвели до бледно-коричневого цвета. Но сейчас, при свете лампы и в отблеске ее пылающей метки, буквы казались более четкими. Словно они просыпались от долгого сна.

– Что же ты хочешь мне сказать? – прошептала Лисея, проводя пальцем по строчкам.

Текст был написан на языке, который она условно называла "протографической латынью" – смеси древних диалектов, которая встречалась только в самых старых документах. Язык тех, кто жил еще до великих империй, до королевств, до того, как люди научились записывать историю.

"...и в тот день, когда механизм времени даст сбой, появится знак на стенах святых мест. Знак трех линий, что не могут встретиться, но встречаются. И тогда придут они – песчинка и хранительница, носящие ключи к восстановлению. Но путь их будет усеян костями тех, кто пытался пройти его прежде..."

Лисея замерла. Эти слова она читала десятки раз, но они казались ей бессмысленным набором метафор. Сейчас же каждое слово резонировало с болью в плече, словно метка переводила древний текст на язык ощущений.

Она перевернула страницу и увидела то, чего раньше не замечала. В углу пергамента, еда заметный при обычном свете, был нарисован символ. Три изогнутые линии, сходящиеся в центре, окруженные завитками, напоминающими одновременно пламя и воду. Точно такой же символ, какой был выжжен у нее на плече с рождения.

– Невозможно, – выдохнула она.

Лисея вскочила и подбежала к зеркалу, стоявшему в углу келии. Спустив рубашку с плеча, она повернулась так, чтобы видеть метку в отражении. Родимое пятно размером с серебряную монету светилось мягким золотым светом, и теперь она ясно видела его форму. Те же три линии. Те же завитки. Тот же крошечный круг в центре.

Она родилась с этим знаком.

Значит, она родилась для чего-то.

Лисея быстро накинула дорожный плащ поверх ночной рубашки и выскользнула из келии. Орден Письма и Пепла располагался в древнем комплексе построек, высеченных прямо в скалах пустыни. Когда-то здесь был храм неизвестного божества, потом – крепость, затем – монастырь, а теперь – последнее пристанище для тех, кто посвятил жизнь изучению забытого знания.

Коридоры были пусты. Большинство братьев и сестер Ордена ложились спать с заходом солнца и вставали с рассветом, подчиняясь ритму пустыни. Только в библиотеке горел свет – там всегда кто-то работал, потому что знание не терпело перерывов.

Лисея направилась не в библиотеку, а в запретную часть комплекса. Туда, где хранились самые древние тексты, те, которые Орден считал слишком опасными для общего изучения. Доступ туда имели только Мастера высшего ранга, но Лисея знала секретный проход – она нашла его еще в детстве, когда играла в прятки с другими послушниками.

Узкая расщелина в скале вела в естественную пещеру, которую древние превратили в святилище. Стены были покрыты костяными пластинами с вырезанными на них символами – отсюда и название "костяной храм". Здесь хранились тексты, которые Орден предпочитал не замечать. Пророчества, заклинания, описания ритуалов, записи о вещах, которые, по мнению здравомыслящих людей, не должны были существовать.

Лисея зажгла факел и вошла в пещеру. Костяные пластины отбрасывали причудливые тени, и казалось, что древние символы шевелятся в танце пламени. В центре святилища стоял каменный алтарь, а на нем лежал единственный том – книга, переплетенная в черную кожу неизвестного происхождения.

Она никогда не решалась открыть эту книгу. Что-то в ней внушало страх, заставляло держаться подальше. Но сейчас метка на плече горела все ярче, а в ушах звучал едва слышный шепот, словно кто-то звал ее по имени.

Лисея подошла к алтарю и положила руку на обложку книги. Кожа была теплой, словно живой. И в тот момент, когда ее пальцы коснулись переплета, по всему святилищу прокатился звук – низкий, вибрирующий, похожий на далекий колокольный звон.

Книга открылась сама.

Страницы были не из пергамента, а из какого-то материала, который Лисея не могла определить. Не бумага, не кожа, не металл – что-то среднее. А текст был написан чернилами, которые переливались в свете факела всеми цветами радуги.

И она могла его читать.

Не потому, что знала язык – его не знал никто из ныне живущих. Но слова сами складывались в ее сознании, словно книга говорила с ней напрямую, минуя глаза и уши.

"Хроники Последних Дней Записаны рукой Кетарис Звездочитицы В год, когда Время сломалось впервые"

Лисея перевернула страницу дрожащими руками.

"Знайте, читающие эти строки в грядущих веках: время не река, как учат мудрецы. Время – машина, построенная Первыми для того, чтобы история текла правильно. Но любая машина может сломаться. И когда это происходит, нужен тот, кто сможет ее починить или уничтожить."

Мы называем их Песчинками.

Песчинка – это не человек, выбранный судьбой. Это ошибка, сбой, случайность, которая попадает в механизм и заставляет его работать по-новому. Песчинки рождаются с особыми метками – знаками того, что они не принадлежат обычному течению времени.

Первая Песчинка появилась в наше время. Воин с севера, носящий топор, в котором заключен фрагмент самого механизма времени. Вторая – девушка из пустыни, чья кожа хранит карту временных потоков. Им предстоит найти остальные фрагменты механизма, разбросанные по эпохам, и принять решение – восстановить порядок или разрушить все до основания.

Но пусть они знают: каждый шаг по этому пути ведет все дальше от человечности. Каждое путешествие во времени стирает часть души. А в конце пути одному из них предстоит выбрать – остаться в истории или исчезнуть из нее навсегда."

Лисея читала дальше, и с каждой страницей ужас в ее душе нарастал. Книга рассказывала о механизме времени – огромной конструкции, построенной расой, которая жила на земле задолго до людей. Первые создали эту машину, чтобы направлять развитие цивилизации, предотвращать катастрофы, корректировать ошибки истории.

Но что-то пошло не так. Механизм начал давать сбои, создавать парадоксы, рвать ткань реальности. И тогда Первые исчезли, оставив после себя только разбросанные по времени фрагменты своего творения. Фрагменты, которые ждали тех, кто сможет их найти и использовать.

"Песчинка в механизме – это не метафора, – говорила книга. – Это буквальная истина. Мельчайшая частица, способная остановить огромную машину или заставить ее работать совершенно по-другому. И когда механизм времени сломается снова – а он сломается, ибо таков его замысел – появятся новые Песчинки. Они найдут друг друга, ведомые знаками на своих телах и зовом древних артефактов."

Лисея дошла до страницы, на которой был изображен тот самый знак – три сплетенные линии в окружении завитков. Под рисунком была подпись:

"Метка Хранительницы. Тот, кто носит ее на коже, может читать язык времени, видеть следы изменений в истории, находить разломы в ткани реальности. Но цена этого дара – постоянная боль, ибо тело Хранительницы всегда помнит о том, чего не было, и скорбит о том, что могло быть."

Внезапно боль в плече стала нестерпимой. Лисея вскрикнула и схватилась за метку. Под ее пальцами кожа горела, словно раскаленный металл. А в ушах зазвучал голос – не ее собственный, но удивительно знакомый.

– Лисея Вард, – говорил голос. – Дочь пустыни, хранительница забытых слов. Время сломалось. Песчинка попала в механизм. Твой час настал.

– Кто ты? – прошептала она, не в силах оторвать взгляд от книги.

– Я та, кто была до тебя. Кетарис Звездочитица, первая из Хранительниц. Я записала эти слова тысячу лет назад, в первый раз, когда механизм дал сбой. И я оставила в них частицу своей сущности, чтобы предупредить тех, кто придет после.

Страницы книги начали светиться все ярче. Костяные пластины на стенах тоже загорелись мягким золотым светом, и древние символы на них ожили, заплясали, заструились, словно вода.

– Что я должна делать? – спросила Лисея.

– Найти его. Воина с топором. Он уже коснулся своего знака, и механизм отозвался. Теперь вы связаны, две половины одного целого. Ищи его в городе трех теней, там, где сходятся дороги времен.

– Какой город? Где?

Но голос Кетарис уже слабел, растворялся в шепоте пламени.

– Садимур... на границе миров... там, где прошлое встречается с будущим... Спешите, дочь моя. Время не ждет...

Книга захлопнулась сама, и золотое сияние погасло. Лисея осталась стоять в полумраке святилища, освещенная только светом факела и пульсирующего родимого пятна на плече.

Садимур. Она знала этот город – торговый центр на границе трех королевств, место, где встречались караванные пути со всех концов света. Туда ехали те, кто искал что-то или от чего-то бежал. Туда ехали те, кто хотел потеряться или, наоборот, найти себя.

Лисея быстро вышла из святилища и вернулась в свою келию. Ей нужно было собрать вещи, взять самые важные тексты, найти повозку или караван, идущий на север. И сделать все это так, чтобы никто из Ордена не узнал о ее планах. Потому что они не поймут. Они сочтут ее безумной.

А может, она и правда сошла с ума. Может, все это – галлюцинации, вызванные долгими часами работы с древними текстами и недосыпанием.

Но метка на плече горела реальной болью. А в памяти звучал голос Кетарис, полный печали и надежды одновременно.

Песчинка попала в механизм.

Где-то на севере воин по имени Ивар держал в руках топор, который был больше чем оружие. И ей предстояло его найти.

Лисея начала складывать в дорожную сумку свои немногочисленные вещи. Несколько смен одежды, самые важные книги, письменные принадлежности, немного золота на дорогу. И флакон с особыми чернилами – теми, что могли писать на любой поверхности и не выцветали от времени. Возможно, ей придется оставлять послания. Или записывать то, что не должно быть забыто.

За окном небо начало светлеть. Лисея накинула дорожный плащ, взяла сумку и выскользнула из келии.

В коридорах по-прежнему было тихо. Только в библиотеке мелькал свет – брат Теофилус, как всегда, работал всю ночь. Лисея тихо прошла мимо, стараясь не разбудить даже эхо.

У ворот Ордена стоял часовой, но он дремал, прислонившись к стене. Лисея знала его привычки – он всегда засыпал перед рассветом. Она бесшумно открыла калитку и выскользнула наружу.

Пустыня встретила ее холодным предрассветным ветром и запахом далекого дождя. На востоке небо окрашивалось в розовый цвет, обещая ясный день. А на севере, там, где лежал ее путь, собирались облака.

В миле от Ордена была караван-сарай – постоянный двор, где останавливались торговцы и путешественники. Лисея знала, что рано утром оттуда часто отправляются караваны в разные стороны света. Нужно только найти тот, что идет в Садимур.

Она шла по пустынной дороге, а метка на плече пульсировала в такт ее шагам. Словно сердце, отсчитывающее время до встречи с судьбой.

Песчинка в механизме.

Пора.

А в далекой северной кузнице воин по имени Ивар Кринсон тоже готовился в дорогу, ведомый словами мертвого кузнеца и зовом древнего топора. Не зная о том, что в сотнях миль к югу девушка с золотой меткой на плече тоже ищет путь к городу трех теней.

Время, сломанное и скрипящее в своих древних шестернях, медленно сводило их вместе.

Глава 3. Встреча у моста трёх теней

Садимур встретил Ивара Кринсона запахом специй, конского пота и чужих тайн. Город раскинулся в долине между трех холмов, словно паук в центре паутины дорог, которые расходились отсюда во все стороны света. С северного холма текла река Сумеречная, с восточного – ручей Золотой Воды, а с западного – поток, который местные называли просто Темным. Все три водных артерии сходились в центре города, где через них был переброшен удивительный мост.

Мост Трех Теней – чудо инженерной мысли и предмет гордости горожан. Три арки из белого камня пересекались под разными углами, создавая сложную конструкцию, которая отбрасывала тени сразу в трех направлениях независимо от положения солнца. Говорили, что его построили еще до основания города какие-то древние зодчие, чьи имена давно забыты. А еще говорили, что тот, кто стоит в точке пересечения всех трех теней, может увидеть прошлое и будущее одновременно.

Ивар не верил в местные байки, но мост действительно впечатлял. Он остановился на его середине, положил руки на каменные перила и посмотрел на городскую суету внизу. Три недели пути от родных земель, три недели размышлений о словах мертвого кузнеца, и вот он здесь. В городе, где должен найти девушку с меткой на коже.

Проблема была в том, что он понятия не имел, как ее искать.

Садимур кишел людьми всех мастей и национальностей. Торговцы с севера в меховых шапках соседствовали с южными купцами в шелковых тюрбанах. Воины разных армий, наемники, авантюристы, паломники, беглецы – все перемешалось в пестрой толпе, которая текла по улицам как многоцветная река. Как среди всего этого многообразия найти одну конкретную женщину?

Топор за спиной Ивара хранил молчание. После того случая в кузнице он больше не светился и не вибрировал, словно израсходовал всю свою магию на одно видение. Но иногда, когда Ивар хватался за рукоять, ему казалось, что оружие слегка теплеет, словно живое существо, реагирующее на его прикосновения.

– Красивый топор, – сказал кто-то за спиной на чистом северном диалекте.

Ивар обернулся и увидел мужчину средних лет с седеющей бородой и внимательными серыми глазами. Одет он был просто, но дорого – добротная кожа, качественное оружие, серебряные украшения. Торговец, решил Ивар. Или наемник на покое.

– Семейная реликвия, – коротко ответил он.

– А, понятно. – Незнакомец подошел к перилам и встал рядом. – Меня зовут Торек Железный Язык. Торгую информацией. И знаешь что? У меня есть кое-что, что может тебя заинтересовать.

Ивар нахмурился. В Садимуре информация действительно была товаром наравне с шелком и пряностями. Но он не помнил, чтобы рассказывал кому-то о цели своего визита.

– Например?

– Например, о девушке, которая три дня назад приехала в наш город из южных пустынь. Молодая, красивая, явно образованная. И у нее на плече интересная отметина. – Торек улыбнулся, показывая золотые зубы. – Родимое пятно в форме какого-то символа. Светится по ночам.

Сердце Ивара ускорило ритм, но лицо он сохранил бесстрастным.

– И что с того?

– А то, что ты ее ищешь. – Торек развернулся к нему лицом. – Не смотри на меня так, северянин. Я умею читать людей, как ты умеешь читать следы на снегу. Ты приехал в Садимур

не торговать и не искать работу. Ты кого-то ищешь. А единственный человек в городе, который подходит под описание "особенной девушки", это Лисея из Ордена Письма и Пепла.

– Сколько? – спросил Ивар.

– Десять золотых за адрес. Двадцать за то, чтобы организовать встречу. Тридцать за полную информацию о том, чем она занимается в городе.

Ивар достал кошелек и отсчитал двадцать монет. Информация была дорогой, но деньги у него имелись – перед уходом из родных земель он продал все, что могло представлять ценность.

– Мудро, – кивнул Торек, пряча золото в потайной карман. – Встреча состоится сегодня вечером, после заката. В таверне "Последний привал", в верхнем зале. Скажешь хозяину, что пришел по поводу "особого груза", он проводит. И еще один совет даром – будь осторожен с этой девушкой. Она не та, кем кажется.

– В каком смысле?

Но Торек уже уходил, растворяясь в толпе с ловкостью опытного карманника. Ивар остался стоять на мосту, глядя ему вслед и размышляя о полученной информации.

Лисея из Ордена Письма и Пепла. Значит, она действительно связана с древними знаниями, как и говорил Харгрим. И у нее есть метка, которая светится. Все сходилось.

Но почему Торек предупредил его быть осторожным?

В то же самое время Лисея Вард сидела в небольшой комнате над мастерской писца и изучала карту Садимура, которую купила у местного картографа. Три дня она провела в городе, пытаясь найти хоть какой-то след северного воина с особым топором. Безуспешно.

Проблема была в том, что в Садимуре полно воинов с севера. Город был перекрестком торговых путей, сюда стекались наемники, ищущие работу, беглецы, скрывающиеся от правосудия, искатели приключений и просто бродяги. Половина из них носила топоры, и многие утверждали, что их оружие – семейная реликвия с особыми свойствами.

Лисея опросила десятки людей, посетила все крупные таверны и постоялые дворы, даже обратилась к местным магам за помощью. Никто не видел воина, чей топор обладал бы необычными свойствами. А ее собственная метка молчала, лишь изредка слабо пульсируя, когда она проходила мимо особенно старых зданий или древних мостовых.

Стук в дверь прервал ее размышления.

– Входите, – сказала она, не поднимая глаз от карты.

Дверь открылась, и вошел мужчина средних лет с седеющей бородой. Лисея видела его пару раз на городских улицах – один из местных информаторов, которых в Садимуре было не счесть.

– Госпожа Лисея? Меня зовут Торек. У меня есть информация, которая может вас заинтересовать.

Лисея подняла глаза. В взгляде мужчины была какая-то странная глубина, словно он знал больше, чем говорил.

– Слушаю.

– В город прибыл человек, который вас ищет. Воин с севера, с боевым топором за спиной. Говорит, что должен найти девушку с меткой на коже.

Сердце Лисеи подпрыгнуло, но она заставила себя сохранить спокойствие.

– Откуда вы знаете про метку?

– В этом городе сложно хранить секреты, госпожа. Особенно такие, которые светятся по ночам. – Торек прошел к окну и выглянул на улицу. – Вопрос в том, готовы ли вы его встретить. И готовы ли доверять тому, кого не знаете.

– А у меня есть выбор?

– Всегда есть выбор. Можете встретиться с ним. Можете покинуть город и продолжить поиски в одиночку. Можете остаться и игнорировать его существование. – Торек повернулся к ней. – Но знайте – то, что вы оба ищете, не терпит отлагательств. Время идет, а механизм ломается все сильнее.

Лисея замерла. Про механизм времени она не рассказывала никому.

– Кто вы такой?

– Тот, кто помнит. – В голосе Торека звучала печаль. – Тот, кто видел, как все это происходило раньше. И тот, кто знает, чем все закончится, если вы не найдете способ это остановить.

– Вы говорите загадками.

– Потому что прямые слова могут изменить ход событий. А некоторые вещи должны произойти именно так, как предначертано. – Торек подошел к столу и положил на карту небольшой предмет. Металлический жетон с выгравированным символом – теми же тремя переплетенными линиями, что украшали плечо Лисеи. – Встреча состоится сегодня вечером в таверне "Последний привал". Верхний зал. Скажете хозяину, что пришли по поводу особого груза.

– А если я не приду?

– Тогда он будет искать вас сам. А время, которое вы потеряете на игру в прятки, может стоить жизни многим людям. – Торек направился к двери, но на пороге остановился. – И еще, госпожа Лисея. Не доверяйте ему сразу. И не позволяйте ему доверять вам. Настоящее доверие должно быть заработано, особенно когда речь идет о вещах, способных изменить ход истории.

Он ушел, оставив Лисею наедине с металлическим жетоном и бурей мыслей в голове. Метка на плече внезапно вспыхнула болью, словно реагируя на прикосновение к древнему символу.

Наконец-то.

Голос прозвучал в ее сознании – тот же голос Кетарис, что говорил с ней в костяном храме.

Песчинки встречаются. Механизм готовится к следующему циклу.

– Что происходит? – прошептала Лисея.

То, что должно было произойти тысячу лет назад, но не произошло. То, что должно было произойти сто лет назад, но снова не произошло. Время дает вам еще один шанс. Используйте его мудро.

– А если мы ошибемся?

Тогда механизм сломается окончательно. И история человечества закончится не постепенным угасанием, а мгновенным исчезновением. Словно вас никогда не было.

Голос стих, оставив за собой только тишину и гнетущее ощущение ответственности.

Вечер пришел быстрее, чем ожидали оба. И Ивар, и Лисея провели день в попытках подготовиться к встрече, не зная толком, к чему готовиться.

Таверна "Последний привал" была одним из тех заведений, которые существуют в каждом торговом городе – не слишком дорогим, не слишком дешевым, привлекающим людей, которые хотят остаться незамеченными. Нижний зал гудел голосами торговцев и путешественников, верхний же сохранял относительную тишину.

Ивар пришел первым. Он заказал кружку пива и стол в углу, откуда было видно всех входящих. Топор лежал рядом, прислоненный к стене. Оружие снова начало слабо вибрировать, словно чувствуя приближение чего-то важного.

Лисея появилась через полчаса. Она поднялась по лестнице в верхний зал и остановилась в дверях, оглядывая немногочисленных посетителей. Ивар сразу понял, что это она. Не только потому, что других молодых женщин в зале не было, но и потому, что в ее присутствии топор зазвенел как колокол.

Она тоже его заметила – повернула голову на звук и встретила с ним взглядом. На мгновение оба замерли, изучая друг друга. Потом Лисея решительно подошла к его столу.

– Вы Ивар? – спросила она, садясь напротив.

– А вы Лисея. – Это было утверждение, не вопрос.

– Похоже, нас кто-то свел. – Она кивнула на топор, который продолжал тихо звенеть. – Ваше оружие реагирует на мою близость.

– А ваша метка светится сквозь одежду.

Действительно, на плече Лисеи под темно-синим платьем было видно мягкое золотистое свечение.

– Значит, мы действительно те, кого искали друг друга. – Лисея сложила руки на столе. – Вопрос в том, что теперь делать.

– Для начала – выяснить, можем ли мы друг другу доверять. – Ивар внимательно изучал ее лицо. Красивая, умная, явно образованная. Но в глубине ее глаз пряталось что-то, что заставляло его настораживаться. – Тот человек, который устроил нашу встречу, предупредил меня быть осторожным.

– Меня он предупредил о том же самом. – Лисея улыбнулась, но улыбка была холодной. – Значит, он хочет, чтобы мы не доверяли друг другу. Вопрос – зачем?

– Может, потому что доверие нужно заработать?

– Или потому что недоверие заставит нас действовать осторожнее.

Они замолчали, изучая друг друга. Ивар видел перед собой женщину, которая привыкла к тайнам и интригам. Лисея видела воина, который привык полагаться только на себя и свое оружие.

– Расскажите мне о топоре, – наконец сказала она.

– Расскажите мне о метке, – ответил он.

Еще одна пауза. Потом Лисея рассмеялась – искренне, без притворства.

– Мы можем так играть всю ночь. Хорошо, начну я. – Она откинула волосы с плеча и спустила край платья, обнажив светящуюся метку. – Родимое пятно, с которым я родилась. Три дня назад оно ожило и привело меня сюда. А еще я нашла древнюю книгу, в которой говорится, что я – Хранительница, способная читать язык времени.

Ивар кивнул и рассказал о своем опыте в разрушенной кузнице, о видении Харгрима и его словах о механизме времени.

– Значит, мы оба – часть чего-то большего, – подвела итог Лисея. – Песчинки в механизме, как писала Кетарис.

– Кетарис?

– Первая Хранительница. Та, что записала пророчество тысячу лет назад. – Лисея наклонилась ближе. – Она говорила, что механизм времени ломается периодически. И каждый раз появляются те, кто должен его починить или уничтожить.

– А что случилось с предыдущими парами?

– Не знаю. В книге об этом ничего не было. Но судя по тому, что механизм продолжает ломаться, они либо не справились, либо выбрали неправильное решение.

Топор Ивара внезапно засветился ярким голубым светом, заставив обоих отшатнуться. А в воздухе над столом появились светящиеся символы – те же переплетенные линии, что украшали метку Лисеи и жетон Торека.

– Что это? – прошептал Ивар.

Лисея протянула руку к символам, и они отозвались на ее прикосновение, заиграв еще ярче.

– Это карта, – сказала она с удивлением. – Карта мест, где находятся остальные фрагменты механизма.

Символы складывались в сложную диаграмму, показывающую расположение нескольких точек на воображаемой карте. Одна точка пульсировала здесь, в Садимуре. Остальные были разбросаны по всему известному миру – и за его пределами.

– Сколько их? – спросил Ивар.

– Семь, не считая нас. – Лисея считала светящиеся точки. – Семь фрагментов, семь мест, семь испытаний.

– И если мы их соберем?

– Тогда получим доступ к самому механизму времени. И сможем принять решение – восстановить его или уничтожить навсегда.

Символы начали тускнеть, и вскоре исчезли совсем. Топор перестал светиться, но продолжал тихо вибрировать.

– Значит, у нас есть цель, – сказал Ивар. – Найти семь фрагментов.

– Но сначала нужно добраться до первого. – Лисея указала на стол, где еще светились отголоски исчезнувших символов. – Ближайший находится в трех днях пути отсюда. В руинах, которые местные называют Проклятым городом.

– Проклятым?

– Древнее поселение, которое исчезло за одну ночь. Никто не знает почему. Говорят, там до сих пор бродят призраки тех, кто не смог уйти.

Ивар усмехнулся.

– Призраки меня не пугают. Пугают живые люди с плохими намерениями.

– Тогда мы идем туда вместе?

– Похоже, у нас нет выбора. – Ивар протянул руку через стол. – Партнеры?

Лисея пожала ее.

– Партнеры. Но с условием – если один из нас попытается использовать механизм в личных целях, второй имеет право его остановить. Любыми способами.

– Согласен. – Ивар почувствовал, как при рукопожатии между ними пробежала искра – не романтическая, а магическая. Словно их судьбы сплелись воедино. – Отправляемся завтра на рассвете?

– На рассвете.

Они встали из-за стола, готовясь разойтись по своим комнатам. Но у лестницы Лисея остановилась.

– Ивар? Тот человек, Торек. Вам он не показался... странным?

– В каком смысле?

– Словно он знал больше, чем говорил. Словно все это уже было запланировано.

Ивар нахмурился. Он тоже чувствовал что-то подобное.

– Может, мы не первые, кто пытается собрать фрагменты.

– Или не последние. – Лисея посмотрела в окно на ночной город. – У меня есть ощущение, что за нами наблюдают. И что наша встреча – только начало чего-то большего и опасного.

Они спустились в общий зал и разошлись по разным выходам. Но оба чувствовали, что их жизни изменились навсегда. Песчинка попала в механизм, и теперь древние шестерни времени начинали поворачиваться, увлекая их в водоворот событий, которые могли переписать саму историю.

А в тени у окна таверны стоял Торек и наблюдал за их уходом. В его руках поблескивал еще один металлический жетон – такой же, что он дал Лисее, но с другим символом.

– Началось, – прошептал он в темноту. – Снова началось. Надеюсь, на этот раз все закончится по-другому.

И растворился в ночи, словно его никогда здесь не было.

Глава 4. Топор, что слышит время

Мост Трех Теней дрожал под ногами, словно живой. Ивар Кринсон стоял на середине каменной переправы, сжимая рукоять боевого топора до белизны костяшек. Напротив него, прислонившись к перилам моста, маг-историк Лисея Вард листала древний манускрипт, не обращая внимания на то, как ветер треплет страницы.

– Ты лжешь, – хрипло произнес Ивар. – Никто не может читать проклятые письма без последствий.

Лисея подняла глаза от книги. В сумеречном свете Садимура родимое пятно на ее шее казалось почти черным.

– А ты не можешь держать в руках оружие, не чувствуя его жажды крови, – парировала она. – И все же топор у тебя в руках молчит. Почему?

Ивар сделал шаг вперед. Каменные плиты моста заскрипели под его весом. Город вокруг них погружался в вечерние тени, но ни один из горожан не осмеливался пройти мимо. Слишком многие знали историю изгнанника с севера.

– Мой топор молчит, потому что он не жаждет твоей крови, – медленно проговорил Ивар. – Он... слушает.

– Что слушает?

Вместо ответа воин резко повернул голову. Где-то вдалеке звонили колокола вечерней службы, но топор в его руках начал вибрировать в такт совсем другому ритму. Металл лезвия потемнел, словно на него легла тень от несуществующих облаков.

Лисея захлопнула манускрипт и выпрямилась. Родимое пятно на ее шее засветилось слабым голубоватым свечением.

– Ивар... – предостерегающе произнесла она.

Но воин уже не слышал ее слов. Топор в его руках ожил. Не как оружие – как существо, которое долго притворялось мертвым железом. По лезвию пробежали тонкие линии света, образуя узор, который не принадлежал ни одной известной кузнечной традиции.

– Он слышит время, – прошептал Ивар, глядя на свое оружие с ужасом и восхищением одновременно. – Боги мертвых кланов... он всегда его слышал.

Воздух вокруг них начал сгущаться. Не туман – что-то более плотное и живое. Время собиралось в складки, как ткань под рукой незримого портного. Лисея почувствовала, как каждая клетка ее тела отзывается на этот зов. Знания, накопленные годами изучения древних текстов, кричали в ее сознании одновременно – предупреждая и объясняя.

– Это же механизм времени, – выдохнула она. – Твой топор – не оружие. Это ключ.

Ивар попытался разжать пальцы, но рука не слушалась. Топор сросся с его ладонью, вплавился в кожу светящимися нитями. Боль была такая, словно кто-то переплавлял его кости.

– Лисея, – прохрипел он. – Беги.

Но она не побежала. Вместо этого маг-историк шагнула к нему, положила руку на древко топора рядом с его ладонью. В тот же миг родимое пятно на ее шее вспыхнуло, как упавшая звезда.

Мир взорвался светом.

Когда свечение рассеялось, моста под ними не было. Не было и города Садимур с его извилистыми улочками и торговыми лавками. Они стояли на том же каменном мосту, но теперь он перекинулся через бурную реку между двумя холмами, поросшими лесом. Воздух пах по-другому – чище, но с привкусом железа и пепла.

– Что ты наделал? – Лисея выпустила топор и отшатнулась.

Ивар огляделся, не выпуская оружие из рук. Топор все еще светился, но уже тусклее. Узоры на лезвии медленно угасали.

– Я ничего не делал, – хрипло ответил он. – Это сделал топор. Он... перенес нас.

– Куда?

Воин указал на дальний холм. Там, где в их времени стоял храм Трех Святых, возвышались руины какого-то строения. Не разрушенного временем – сожженного. Дым все еще поднимался к небу тонкими струйками.

– Назад, – тихо сказал Ивар. – Он перенес нас назад.

Лисея достала из сумки небольшое зеркало – один из инструментов мага-историка. В отполированной поверхности отразились не их лица, а символы. Те же, что она видела в манускриптах. Те же, что горели сейчас на ее коже.

– Не просто назад, – прошептала она, глядя в зеркало. – Мы в году, которого не было. Смотри на небо.

Ивар поднял голову. В небе светили две луны. Одна – привычная, серебристая. Вторая – меньшего размера, с красноватым оттенком. Такого неба не видел ни один живой человек.

– Это невозможно, – выдохнул воин.

– Для механизма времени ничего невозможного нет, – Лисея убрала зеркало и посмотрела на топор в его руках. – Вопрос в том, зачем он нас сюда привел.

Из леса на противоположном берегу донесся протяжный вой. Не волчий – что-то более глубокое и пронзительное. Звук, от которого хотелось спрятаться и никогда не высовываться на свет.

– И кто здесь с нами, – добавил Ивар, поднимая топор.

Лезвие снова вспыхнуло, но на этот раз свет был холодным и настороженным. Механизм времени чувствовал опасность.

По мосту к ним приближалась фигура в длинном плаще. Человек шел медленно, опираясь на посох, но в его движениях чувствовалась скрытая сила. Когда он приблизился достаточно, чтобы разглядеть лицо, Лисея ахнула.

Это был старик с совершенно белыми глазами. Не слепой – глаза светились изнутри тем же светом, что и родимое пятно на шее магини. И на его лбу, словно шрам от удара меча, красовался знак. Тот самый знак, который они пытались разгадать.

– Добро пожаловать в год, которого не было, – сказал старик голосом, в котором звучало эхо столетий. – Я Хранитель Несуществующего. И я очень долго вас ждал.

Топор в руках Ивара завибрировал сильнее. Механизм времени узнавал что-то знакомое. Что-то, что заставляло его механизмы работать быстрее.

– Кто ты? – спросил воин, не опуская оружие.

– Тот, кто помнит то, чего не было, – ответил старик. – И тот, кто знает, что вы здесь не случайно. Песчинка в механизме начала свое движение. И теперь нам нужно решить – остановить ее или позволить разрушить все.

За спиной старика, в лесу, снова раздался вой. На этот раз к нему присоединились другие голоса. Стая чего-то приближалась к мосту.

– Выбирайте быстро, – добавил Хранитель, оборачиваясь к лесу. – Охотники за временем уже идут по следу. А здесь, в году, которого не было, от них некуда бежать.

Лисея схватила Ивара за руку.

– Твой топор, – быстро проговорила она. – Может ли он перенести нас обратно?

Воин посмотрел на оружие. Узоры на лезвии мерцали неуверенно.

– Не знаю, – честно ответил он. – Я не знаю, как он работает.

– Тогда нам придется узнать, – сказала Лисея и повернулась к старику. – Мы идем с вами. Но если это ловушка...

– Если это ловушка, – спокойно ответил Хранитель, – то ее расставили не мы. Время само привело вас сюда. А время редко ошибается в своих планах.

Из леса показались первые тени. Высокие, гибкие фигуры,двигающиеся с нечеловеческой быстротой. Их глаза горели тем же светом, что и у старика, но в этом свете была жадность.

– Охотники, – прошептал Хранитель. – Они питаются временем, которое украли у других эпох. И сейчас они почуяли ваш запах.

Ивар поднял топор. Механизм времени отозвался на его движение, окутав лезвие плотным свечением.

– Сколько их?

– Больше, чем вы можете убить, – ответил старик. – Но меньше, чем может остановить ваш топор, если вы научитесь им управлять.

Первый охотник ступил на мост. Его ноги не касались камня – он шел по воздуху, словно по твердой поверхности. В руках у него была изогнутая сабля, лезвие которой казалось сделанным из застывшего времени.

– Урок первый, – быстро проговорил Хранитель, отступая к краю моста. – Механизм времени не подчиняется воле. Он подчиняется необходимости. Почувствуйте, что необходимо сейчас.

Ивар сжал топор обеими руками. Необходимость... Им нужно было выжить. Им нужно было понять, что происходит. Им нужно было найти способ вернуться домой.

Топор ответил на его мысли волной энергии, которая прокатилась по мосту, заставив камни под ногами светиться. Охотник, шедший впереди, застыл на месте, словно время вокруг него сгустилось.

– Хорошо, – одобрил Хранитель. – Но это только начало. Настоящий урок начнется, когда мы доберемся до Библиотеки без дверей.

– Какой библиотеки? – спросила Лисея, не сводя глаз с замерших охотников.

– Той, где записаны имена всех, кто когда-либо нарушал поток времени, – ответил старик. – Включая ваши.

Он повернулся и начал спускаться с моста по тропинке, которой секунду назад не было. Ивар и Лисея переглянулись.

– У нас есть выбор? – тихо спросил воин.

– У песчинки в механизме всегда есть выбор, – ответила маг, глядя на замерших охотников. – Вопрос в том, готовы ли мы узнать цену этого выбора.

Они последовали за Хранителем вниз по тропе, оставляя позади мост и замерших во времени преследователей. Но Ивар знал – остановка была временной. Охотники за временем не сдавались так легко.

А топор в его руках все продолжал слушать что-то такое, что могли услышать только механизмы времени. И это что-то приближалось.

Глава 5. Год, которого не было

Тропа вела через лес, которого не могло существовать. Деревья росли корнями вверх, их ветви уходили глубоко в землю, а листва шелестела под ногами путников. Две луны в небе отбрасывали причудливые тени – серебристые и багровые полосы переплетались на земле, создавая узоры, от которых рябило в глазах.

Хранитель Несуществующего шел впереди, опираясь на посох, но его шаги не оставляли следов. Ивар заметил это не сразу – только когда обернулся и увидел, что за ними тянется лишь две цепочки отпечатков: его собственные тяжелые следы и более легкие отметины сапог Лисеи.

– Ты не настоящий, – констатировал воин, сжимая топор.

Старик остановился и повернулся. В белых глазах плясали отблески лунного света.

– Что значит "настоящий" в году, которого не было? – спросил он. – Я существую, потому что кто-то должен помнить то, что никогда не случилось. Разве это не делает меня реальным?

Лисея шла молча, изучая странный лес. Родимое пятно на ее шее пульсировало в такт биению сердца, и каждый пульс отзывался болью в затылке. Знания, накопленные годами изучения древних текстов, перемешивались в голове с чем-то новым – пониманием, которое приходило прямо из воздуха этого места.

– Мы в разломе, – сказала она вдруг. – Не в прошлом и не в будущем. В трещине между эпохами.

– Умная девочка, – одобрил Хранитель. – Год, которого не было, существует в промежутках. Когда история делает поворот, всегда остается то, что могло бы случиться, но не случилось. Эти возможности накапливаются здесь.

Он указал посохом на поляну впереди. Среди перевернутых деревьев стояла хижина, сложенная из камней, которые светились изнутри теплым золотистым светом. Окон в хижине не было, а дверь представляла собой арку, заполненную струящимся туманом.

– Добро пожаловать в мой дом, – сказал старик. – Здесь мы сможем поговорить без помех.

Ивар не двинулся с места.

– А что с охотниками?

– Они придут, – спокойно ответил Хранитель. – Но не сразу. Время, которое ты заморозил на мосту, должно сначала растаять. У нас есть несколько часов.

– Или несколько столетий, – добавила Лисея. – В разломе время течет по своим законам.

Старик кивнул.

– Поэтому мы и можем позволить себе долгий разговор.

Внутри хижины было просторнее, чем казалось снаружи. Стены уходили вверх, теряясь в сумраке, а пол был выложен камнями, каждый из которых содержал в себе застывшую сцену из чьей-то жизни. Ивар увидел под ногами крестьянина, пахущего поле; Лисея наступила на камень с изображением женщины, читающей книгу при свечах.

– Осколки несбывшегося, – объяснил Хранитель, располагаясь в кресле, которое материализовалось из воздуха. – Каждая альтернатива, каждый несделанный выбор оставляет след. Здесь эти следы обретают форму.

Он жестом предложил гостям сесть. Рядом с Иваром выросло грубо сколоченное кресло из северного дуба – точно такое, какие делали в его родном клане. Лисея получила изящное сиденье, обитое бархатом цвета старых манускриптов.

– Расскажи нам правду, – потребовал воин. – Что такое механизм времени? И почему мой топор им стал?

Хранитель закрыл белые глаза и погрузился в молчание. Когда он заговорил снова, голос его звучал как эхо из глубины веков.

– Давным-давно, когда мир был молод, а время текло ровно и предсказуемо, случилась первая катастрофа. Звезда упала с неба и разбилась на тысячи осколков. Но это была не обычная звезда – это был кусок самого времени, отколовшийся от основного потока.

Лисея наклонилась вперед, жадно ловя каждое слово.

– Осколки разлетелись по миру, – продолжал старик. – Большинство из них были крошечными – они превратились в песчинки, способные на незначительные изменения. Один человек встретил любовь своей жизни на день раньше. Другой не умер в битве, в которой должен был погибнуть. Мелкие сдвиги, которые время легко поглощает.

– А более крупные осколки? – спросил Ивар.

– Более крупные стали артефактами. Твой топор – один из них. Самый крупный из всех, что мне известны.

Хранитель встал и подошел к стене. Провел рукой по камню, и на поверхности появились светящиеся символы – те же, что Лисея видела в древних манускриптах.

– Но есть проблема, – сказал он. – Время не терпит изменений. Каждый сдвиг рождает противодействие. Чем больше ты меняешь, тем сильнее сопротивление.

– Охотники, – понял Ивар.

– Охотники – это только начало. Они питаются временем, украденным у других эпох, но они всего лишь симптом. Настоящая опасность – в самом механизме.

Старик повернулся к ним, и в его белых глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

– Каждый раз, когда кто-то использует осколок времени, он создает долг. И этот долг рано или поздно нужно выплачивать.

– Какой долг? – Лисея коснулась родимого пятна на шее. Оно горело все сильнее.

– Чтобы изменить одну жизнь, нужно стереть другую. Чтобы спасти одну эпоху, нужно принести в жертву другую. Механизм времени не создает ничего из пустоты – он только перераспределяет.

Воздух в хижине стал плотнее. Ивар почувствовал, как топор в его руках начинает вибрировать. Не от опасности – от чего-то более глубокого. От понимания.

– Ты хочешь сказать, что каждый раз, когда я использую топор, кто-то умирает? – хрипло спросил воин.

– Не обязательно умирает, – ответил Хранитель. – Но исчезает. Стирается из истории, как будто никогда не существовал. А поскольку этот человек стирается полностью, никто даже не помнит о его существовании.

Лисея побледнела.

– Сколько... сколько людей уже исчезло из-за нас?

– Пока ни одного, – успокоил старик. – Вы еще не использовали механизм для изменения хода событий. Вы только перемещались во времени. Но если вы начнете вмешиваться...

Он не договорил, но смысл был ясен. Ивар положил топор на пол рядом с креслом. Металл лезвия потускнел, но узоры продолжали медленно пульсировать.

– Почему ты нам это рассказываешь? – спросил воин. – Какой тебе прок от того, чтобы мы знали правду?

Хранитель улыбнулся – первая эмоция, которую он позволил себе показать.

– Потому что вы – не первые, кто попал в год, которого не было. И далеко не первые, кто столкнулся с механизмом времени.

Он снова коснулся стены, и символы переместились, образуя новые узоры. Имена. Десятки имен, написанных на разных языках и разными алфавитами.

– Все они пытались использовать осколки времени, – объяснил старик. – Все они думали, что смогут изменить мир к лучшему. И все они исчезли, оставив после себя только записи в моей памяти.

Лисея встала и подошла к стене. Среди имен она узнала несколько – великие маги древности, герои легенд, правители, чьи имена были высечены на мраморных плитах в храмах.

– Они не исчезли, – возразила она. – Я помню их истории.

– Помнишь только то, что осталось после перезаписи, – мягко сказал Хранитель. – Их настоящие истории, их настоящие деяния – все это было стерто. То, что ты знаешь, – только тени, отброшенные механизмом времени, чтобы заполнить пустоты.

Воздух в хижине задрожал. Где-то вдалеке раздался протяжный вой – охотники освободились из временной ловушки.

– Они идут, – констатировал Хранитель, поднимаясь с кресла. – И теперь у вас есть выбор.

Ивар взял топор. Металл мгновенно ожил в его руках, засияв готовностью к бою.

– Какой выбор?

– Первый – сражаться с охотниками и попытаться найти способ вернуться в свое время. Но помните: каждое использование механизма приближает вас к моменту, когда придется платить по долгам.

– А второй? – спросила Лисея.

– Остаться здесь. В году, которого не было. Стать частью разлома, как стал я. Никогда не стареть, никогда не умирать, но и никогда не жить по-настоящему.

Вой охотников стал ближе. Через окна хижины – которых секунду назад не было – проник холодный свет, не похожий ни на серебристое, ни на багровое лунное сияние.

– А третий вариант? – спросил Ивар.

Хранитель удивленно поднял брови.

– Откуда ты знаешь, что есть третий?

– Потому что ты бы не рассказал нам всю эту историю, если бы не хотел, чтобы мы выбрали именно его.

Старик засмеялся – звук получился горький и уставший.

– Умный мальчик. Да, есть третий вариант. Самый опасный из всех.

Он подошел к двери, за которой уже мелькали тени приближающихся охотников.

– Попытаться сломать сам механизм времени. Найти источник всех осколков и уничтожить его. Тогда время вернется к своему естественному течению, а все долги будут аннулированы.

– И что произойдет с теми, кто уже стерт из истории? – спросила Лисея.

– Не знаю, – честно признался Хранитель. – Возможно, они вернутся. Возможно, исчезнут навсегда. А возможно, весь мир перестанет существовать.

Дверь хижины затрещала под ударами снаружи. Охотники добрались до убежища.

– Решайте быстро, – сказал старик, и его фигура начала растворяться в воздухе. – Я больше не могу вам помочь. В году, которого не было, каждый должен найти свой путь.

Ивар и Лисея остались одни в хижине, которая на глазах превращалась в обычную лесную поляну. Стены исчезали, потолок растворялся, и вскоре от убежища не осталось ничего, кроме светящихся камней под ногами.

Охотники окружили их – высокие фигуры в развевающихся плащах, с глазами, горящими украденным временем. В руках у каждого была сабля из застывших мгновений.

– Что выбираем? – тихо спросила Лисея, вставая спина к спине с Иваром.

Воин поднял топор. Механизм времени отозвался на его движение, окутав поляну пульсирующим свечением.

– Третий вариант, – сказал он. – Если мы собираемся быть песчинкой в механизме, то пусть эта песчинка его сломает.

Первый охотник атаковал, его сабля рассекла воздух, оставляя за собой след из искаженного времени. Ивар встретил удар лезвием топора, и два временных потока столкнулись, породив взрыв света, который был виден даже сквозь закрытые веки.

Когда свечение угасло, поляна опустела. Охотники исчезли, унесенные временным вихрем. Но исчезли и Ивар с Лисеей.

А в воздухе над поляной медленно кружились обрывки пергамента – страницы из книг, которые еще только будут написаны. На них проступали слова, складывающиеся в пророчество:

"Когда песчинка начнет движение, механизм либо сломается, либо перемелет весь мир. И решение примет не мудрость, а случай – самая непредсказуемая из всех сил."

Год, которого не было, снова погрузился в тишину, ожидая следующих путешественников во времени.

Глава 6. Библиотека без дверей

Они нашли библиотеку там, где ее не должно было быть – в центре площади, которая только что была пустой. Здание просто появилось между одним шагом и следующим, словно всегда стояло здесь и только ждало, когда его заметят.

– Как мы его раньше не видели? – пробормотал Ивар, останавливаясь перед внушительным строением из черного камня.

– Потому что искали не там, где нужно, – ответила Лисея, изучая фасад. – В Хронограде вещи появляются не тогда, когда существуют, а тогда, когда в них нуждаются.

Библиотека была странной – высокая, узкая, словно втиснутая между невидимыми соседними зданиями. Ее стены покрывали письма на языках, которые Лисея не могла прочесть, хотя некоторые символы казались знакомыми. Но самым странным было отсутствие входа. Фасад здания был сплошным – ни двери, ни окна, только камень да загадочные надписи.

– Библиотека без дверей, – заметил Ивар. – Как же туда попасть?

– Наверное, так же, как попали сюда, – Лисея приложила ладонь к стене. Камень был теплым, словно живым. – Через то, что не может быть, но есть.

Она закрыла глаза и сконцентрировалась на родимом пятне на руке. Знак пульсировал в такт с биением сердца, и с каждым ударом пульса стена под ладонью становилась все более призрачной. Наконец Лисея почувствовала, что может пройти сквозь камень, как сквозь утренний туман.

– Давай, – сказала она, протягивая руку Ивару. – И не отпускай. В этом месте легко потеряться не только в пространстве, но и в себе.

Они шагнули в стену и оказались в огромном зале, уходящем вверх и вниз дальше, чем могли видеть глаза. Полки с книгами тянулись к потолку, потерявшемуся в сумраке, а винтовые лестницы, переходы и мостики создавали лабиринт из дерева и металла. Но самым поразительным было то, что книги на полках меняли свои очертания – то становились толще, то тоньше, то исчезали вовсе, чтобы через мгновение появиться в другом месте.

– Библиотека Несуществующих Книг, – прошептала Лисея. – Здесь хранятся истории, которые могли бы быть написаны, но не были.

– И как найти среди них то, что нам нужно? – Ивар озибался с недоверием, держа топор наготове.

– Спросить у библиотекаря, – ответил чей-то голос откуда-то сверху.

Они подняли головы и увидели человека, висящего вниз головой на одной из лестниц. Он читал книгу, которая, казалось, тоже читала его – страницы переворачивались сами, а буквы на них светились тусклым светом.

– Вы библиотекарь? – спросила Лисея.

– Я тот, кто каталогизирует то, чего нет, – ответил человек, не отрываясь от чтения. – Меня зовут Скриптор Нулвин. Добро пожаловать в единственную библиотеку, где можно прочесть книгу, которую вы не написали о жизни, которую не жили.

Он изящно перевернулся и спустился по лестнице. Скриптор оказался мужчиной средних лет с седыми волосами и глазами цвета старого пергамента. Его одежда постоянно меняла фасон и цвет, словно не могла решить, к какой эпохе принадлежать.

– Вы ищете хроники о себе, – сказал он, это не было вопросом. – Большинство посетителей приходят именно за этим. Хотят узнать, какими могли бы быть.

– Нас интересует не то, какими мы могли бы быть, а то, какими были, – возразила Лисея. – Мы попали в год, которого не существует, и хотим понять почему.

Скриптор улыбнулся – улыбкой человека, который знает пуант шутки, которую еще не рассказали.

– Ах, классическая ошибка путешественников во времени. Вы думаете, что попали сюда случайно. Но в Хронограде случайностей не бывает. Здесь есть только неизбежности, которые притворяются совпадениями.

Он щелкнул пальцами, и с верхней полки слетела тонкая книга в кожаном переплете. На обложке золотыми буквами было написано: «Хроники Ивара Кринсона и Лисеи Вард. Том первый: Путешествие в год, которого не было».

– Вот ваша история, – сказал Скриптор, протягивая книгу. – Написанная до того, как вы ее прожили.

Лисея взяла книгу дрожащими руками. Переплет был теплым, а страницы шелестели, словно живые листья. Она открыла первую страницу и прочла:

«Ивар Кринсон, изгнанник из северного клана, никогда не думал, что его топор – ключ к переписыванию истории. Лисея Вард, маг-историк из Ордена Письма и Пепла, никогда не подозревала, что знак на ее коже – карта к сердцу времени. Но механизм уже был запущен, и двое незнакомцев стали песчинками, способными сломать часы мироздания».

– Это невозможно, – прошептала она. – Книга написана о нас, но мы здесь впервые.

– Время не линейно, – напомнил Скриптор. – В нем есть петли, узлы, разрывы. Иногда следствие предшествует причине. Иногда книга пишется раньше, чем происходят события, которые в ней описаны.

Ивар заглянул ей через плечо и увидел на странице свое имя, свою историю, описанную до мельчайших подробностей. Даже его мысли в этот момент были записаны на пергаменте:

«Ивар почувствует страх – не за себя, а за реальность самой реальности. Если их история уже написана, значит ли это, что у них нет выбора? Или выбор в том, чтобы переписать уже написанное?»

– Кто автор? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Скриптор перевернул книгу и показал им последнюю страницу. Там, где должно было стоять имя автора, были только два слова: «Они сами».

– Вы пишете свою историю самым фактом своего существования, – объяснил библиотекарь. – Каждый выбор, каждый шаг, каждое слово добавляют новую строчку. Но механизм времени читает книгу быстрее, чем вы ее пишете. Поэтому он знает, что будет дальше.

– И что будет дальше? – спросила Лисея, листая страницы.

– То, что должно быть. Или то, что вы решите, что должно быть. Разница между этими вариантами и есть свобода воли.

Лисея дошла до главы, которая называлась «Убийство во втором витке», и остановилась. На странице была иллюстрация – Ивар стоял над телом старика, а в его руках блестел от крови топор.

– Это еще не произошло, – сказала она.

– Но произойдет, – ответил Скриптор. – Если вы не измените сценарий. Вопрос в том, хотите ли вы его менять. Ведь каждое изменение в истории создает новые трещины во времени. А время не любит, когда его рвут.

Он взмахнул рукой, и вокруг них зашевелились полки с книгами. Тысячи томов, миллионы историй, которые могли бы быть, но не стали реальностью.

– Здесь хранятся все варианты вашего будущего, – сказал библиотекарь. – И все варианты вашего прошлого. Вы можете прочесть любой из них. Но помните: знание о том, что может произойти, само по себе меняет то, что произойдет.

Лисея закрыла книгу и крепко прижала ее к груди.

– Мы возьмем ее с собой.

– Конечно. Она ваша. Была вашей еще до того, как вы сюда пришли. Но будьте осторожны – читать свою судьбу заранее так же опасно, как не читать ее вовсе.

Скриптор развернулся и начал подниматься по лестнице, но на полпути остановился:

– А, и еще одно. Когда встретите Мастера без времени, передайте ему, что его замена найдена. Он поймет, что это значит.

– Какая замена? – окликнул его Ивар.

Но библиотекарь уже исчез среди полок, оставив их наедине с книгой, в которой была написана их судьба. Книгой, которую они сами еще не закончили писать, но которая уже знала, чем все закончится.

За окнами Хронограда время продолжало течь не в ту сторону, а механизм в топоре Ивара тикал в такт с биением их сердец, отсчитывая моменты до следующего витка истории.

Глава 7. Убийство во втором витке

Книга в руках Лисеи внезапно стала обжигающе горячей. Страницы зашелестели сами собой, переворачиваясь с такой скоростью, что слова превращались в размытые пятна. Наконец движение прекратилось на главе под названием «Убийство во втором витке».

– Что происходит? – спросил Ивар, но Скриптор уже исчез среди полок библиотеки.

– Книга... она показывает нам что-то, – прошептала Лисея, глядя на страницу. Текст на ней медленно менялся, словно кто-то переписывал его прямо сейчас. – Смотри, слова двигаются.

Ивар склонился над книгой. Действительно, буквы перестраивались в новые предложения:

«Время требует свою жертву. Кровь должна быть пролита, чтобы механизм продолжал работать. Ивар Кринсон найдет тело того, кого когда-то считал братом. И станет обвиненным в убийстве, которого не совершал. Но истина скрыта в тенях, которые отбрасывает время».

– Это происходит прямо сейчас, – сказала Лисея. – Где-то в другом времени, в другом месте.

Библиотека вокруг них начала расплываться. Полки с книгами стали прозрачными, как дым, а пол под ногами зыбким, как вода. Механизм в топоре Ивара загудел, и знакомое ощущение временного сдвига охватило их обоих.

– Держись за меня! – крикнул Ивар, но было уже поздно.

Мир исчез.

Они очнулись в лесу, на поляне, окруженной высокими соснами. Снег хрустел под ногами, а воздух был таким холодным, что дыхание превращалось в белые облачка пара. Ивар сразу понял, где они – это была роща Мертвых Камней, священное место его клана, где старейшины совершали суд над преступниками.

– Мы больше не в Хронограде, – сказала Лисея, оглядываясь. Ее родимое пятно все еще пульсировало, но по-другому – не хаотично, как в городе-призраке, а размеренно, как метроном.

– Нет, – ответил Ивар, и голос его дрожал. – Мы дома. В моем времени. Но что-то не так.

Он указал на один из мертвых камней – древних менгиров, покрытых рунами. На сером граните алела свежая кровь, а рядом лежало тело в знакомой одежде.

Кровь на снегу выглядела слишком яркой – словно её только что пролили. Ивар медленно подошел к мертвецу, уже зная, кого увидит. Старик Харген из клана Железных Волков. Тот самый, что когда-то назвал его братом, а потом первым поднял руку за изгнание.

– Рана от топора, – сказала Лисея, склонившись над телом. Её голос звучал отстраненно, как у лекаря на вскрытии. – Удар справа налево, сверху вниз. Левша или...

– Или тот, кто держит оружие обеими руками, – закончил Ивар. Его руки сами собой сжались на рукояти топора. Древний металл был теплым, словно живым, и пульсировал в такт с биением его сердца.

Лисея обошла тело по кругу, изучая следы. На снегу были отпечатки двух пар ног – тяжелых сапог Харгена и чьих-то еще, более легких.

– Следов борьбы нет, – отметила она. – Харген знал убийцу. Доверял ему настолько, что повернулся спиной.

– В прошлой жизни я бы уже висел на дереве, – проговорил Ивар, глядя на веревку, аккуратно сложенную у подножия одного из камней. – Харген всегда говорил: убийцу клана судит сам лес.

– Но мы не в прошлой жизни, – напомнила Лисея. – Мы в петле времени. И здесь действуют другие законы.

Она подняла с земли что-то блестящее – металлическую пластину размером с ладонь. Знак был выгравирован на ней с идеальной точностью: переплетение линий, которые одновременно напоминали и руны власти, и схему механизма. Точно такой же знак она видела в книге об их судьбе.

– Убийца оставил это специально, – сказала она, протягивая находку Ивару. – Послание. Или ключ к разгадке.

Как только металл коснулся его пальцев, мир вокруг дрогнул. Лес исчез, и Ивар увидел сцену убийства глазами убийцы. Харген стоял спиной к нему, что-то высекая на одном из мертвых камней. Старик работал сосредоточенно, время от времени сверяясь с какой-то старой книгой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.